

чи с людьми, одна из них описана в «**Портрете**», посвящённом Б.А. Бахтину, в котором лирическую героиню привлекает противоречивая натура, способная воплощать черты то Базарова, то Ставрогина. Известно, что Ц. вдохновляли личности, находящиеся в поисках себя, идущие по пути целостности и гармонии: «Образ Ваш из тесноты и тьмы вагона / Многодневного на вольный выйдет свет, / И все Ваши “Я” в прощания поклоне / Я солью в единый Ваш портрет». В стихотворении «**Буря**» железнодорожный этап переходит в пеший путь до лагеря: «В снеговых заносах, в каторжном буряне / Спотыкается этап. Пощады нет: / Падаю, но не сдаюсь Фатаморгане...» Заключённые отождествлены с солдатами Наполеона, бредущими «по снегу в лаптях и в летних макинтошах». Дорога, как и вся лагерная жизнь, предстаёт бредом, страшным и неправдоподобным сном.

Центром заключит. цикла, «**Мыльные пузыри**», являются две молитвы. «**Благовещение**» (1938) — одно из лучших стихотворений Ц., восстановленное по памяти в девяносто шесть лет и обращённое к Божьей Матери: «Взгляни на наш смрадный ад, / На измученных, искалеченных!..» Конечные строки — «Скоро вечер. Под тучами светел закат / В Благовещенье» — о победе света над тьмой, о поспешии лагеря-ада. В «**Разрешающем аккорде**» (1943), молитве к Богу, торжество «света духа», олицетворённого в дальневосточных «лиловых воскрыльях гор» и «золотой солнечной пыли». Два стихотворения («**Сыну**», 1941; «**Мы**»), входящие в «**Мыльные пузыри**», посвящены сыну, А.Б. Трухачёву, «самому вождьленному» для Ц. человеку. Однажды в лагере поэтесса из репродуктора услышала вальс, который напомнил ей о событиях молодости, о первой встрече с Б.С. Трухачёвым, отцом её ребёнка: «Музыка. А где-то, часовые, — / Всё ли там спокойно, на Амуре? / Обухом — вальс. И покорно выю / Под вальс “На сопках Маньчжурии”... // Я ведь не знала, что сбудется / Вальс. Что Маньчжурская тень / Так мне — что позабудется / Этот, как многие, день...» («**Мы**»).

Поэзия Ц. автобиографична и порой сложна для восприятия, поскольку наполнена мифологическими аллюзиями и литературными реминисценциями. Стихотворное творчество Ц., в противовес «прозрачному» прозаическому, рассчитано на эрудированного читателя. Лирика предельно эмоциональна, что получает выражение в поэтич. синтаксисе и графике (много восклицаний, тире, скобок, разрывов и переносов строк). Для Ц. характерна жанровая синестезийность (сюита, аккорд, портрет, натюрморт), отражающая как культурную атмосферу, воспитавшую поэтессу, так и многогранность её личности.

Большинство стихотворений «**Мыльных пузырей**» являются поэтич. частью лагерного романа «**Амог**», они призваны охарактеризовать гл. героиню произведения, Нику. История создания романа изложена в авторском предисловии: «“Амог” родился из поэмы. Он рос, разгораясь, как одинокий костёр в лесу <...>. Он писался на Дальнем Востоке, в зоне, в часы отдыха, после десятичасового рабочего дня, на нестандартной бумаге, на маленьких листах, чернильным карандашом, так мелко, что прочесть его не смог бы никто, кроме автора, — и то по его близорукости». Лагерным начальником Ц. через вольнонаёмного главы отправлялись в письмах в Москву, где хранились до 1947: «Получая его (уже в Вологодской области, где работал сын) из рук родственницы, <...>, автор с удивлением заметил, что в нём не хватает целой, отдельной части, которая была задумана позже, как вводная, тем помогая рукописи стать романом многоплановым». Пропавшая часть была написана на «ценной» папиросной бумаге: «<...> “ароматную” часть выкурили всю, без остатка». Ц. переименовывает «Амог» в «**Руины романа**» и вновь обращается к нему только в 1972: «<...> у меня выпало свободное время, и я раскрыла рукопись, которую не перечитывала с 1941. Я сказала себе “Перечти!”. Перечитала и одобрила. Написала и вставила в “Руины романа” новые главы — вместо выкуренных. И вновь стал “Амог”, и дожил до нынешних дней».

В романе три повествовательных пласта. Первый уводит в прошлое главной героини, Ники, рассказывая о её юности, молодости и зрелых годах. Ника предстаёт женщиной,

пропитанной любовью, рождённой для неё, ею живущей и вдохновляющейся. Образ Ники автобиографичен (вплоть до сохранения реальных имён мужей, сыновей, возлюбленных, друзей). Воспоминаниям посвящено 4 главы («Из жизни Ники. Между горем и счастьем», «Из жизни Ники. Смуты», «Повести из жизни Ники. Свобода», «Преодоление. Из жизни Ники»), оформленные как художеств. произведение, адресованное Морицу, с которым героиня пытается духовно сблизиться. Герой второго повествовательного слоя — Мориц. Ника, задумывая о нём поэму, просит подробнее рассказать о себе (главы «Мориц в Америке», «На работе и после работы. Детство Морица», «Мальчики на царской войне. Первая седина Морица» и др.). Мориц, по ощущению Ники, человек «глубокий», но «не желающий своей глубины». Третья повествовательная линия сюжетно соединяет гл. героев в лагерном пространстве проектного бюро. Мориц одержим работой, после освобождения в качестве вольнонаёмного остаётся на Дальнем Востоке, где умирает от туберкулёза. Ника предстаёт цельной личностью, не сломленной лагерной участью. Она верна жизненным принципам, не ожесточена. Героиня любит, заботится об окружающих, переживает творческий подъём от встречи с Морицем. Жизнь в заключении остаётся жизнью, она дарит новые встречи, эмоциональные всплески, не обедняя, а обогащая внутренний мир героини: «<...> я даже в таком горе — всё-таки люблю жизнь».

Соч.: Амог: Роман и повесть. М.: Современник, 1991. 494 с.; Неисчерпаемое. М.: Отечество, 1992. 320 с.; Мой единственный сборник: Стихи. М.: Дом-музей Марины Цветаевой. Изд-во «Изограф», 1995. 207 с.

Лит.: Туманова Н. Разговор с собой и Анастасией Цветаевой // Колочая правда. Хабаровск: Хабаровское кн. изд-во, 1990. С. 128–131; Айдинян С. Предисловие // Цветаева А.И. Мой единственный сборник: Стихи. М.: Дом-музей Марины Цветаевой. Изд-во «Изограф», 1995. С. 4–7; Петров Е. Сестра Марины Цветаевой была в лагерях Приамурья // Амурская правда. 1997. 30 окт. С. 1–2; Паришин Е. Город Свободный и сёстры Цветаевы: Факты, совпадения, параллели // Свободненский курьер. 2004. 13 окт.; Касатых Е.А. Роман «Амог» А.И. Цветаевой в лит.-философском контексте XX века // Обсерватория культуры. 2009. №1. С. 119–123; Архив УМВД России по Амурской обл., ф. 58, д. 322, картотека №3 заключённых БАМлага НКВД.

Т.Е. Смыковская

ЦИРУЛИК Дмитрий Алексеевич [15.9.1924, г. Мытищи Московской обл. — 7.5.1962, г. Благовещенск Амурской обл.] — поэт, журналист, член Союза журналистов СССР.

Биографич. сведений о Ц. сохранилось немного. Известно, что он ещё в детстве осиротел. Школьные годы прошли в Белогорске. В 1939, после окончания семи классов, Ц. поступил в судостроит. техникум в Комсомольске-на-Амуре. Во время Великой Отечественной войны охранял дальневост. рубежи от японских милитаристов. После войны Ц. работал токарем, художником, библиотекарем, воспитателем в детском доме. С 1949 стал трудиться на журналистском поприще: сначала в белогорской районной газете «Красное знамя» (позже переименована в «Ленинский путь»), а с 1953 в областной — «Амурском комсомольце», где в разные годы был литсотрудником, заводделом культуры, ответсекретарём. Руководил литобъединением, созданным при газете.

Публиковать стихи начал в 1948. В 1954 вышел первый сборник — «**Моё мнение**». В нём доминируют торжественно-одические интонации. Лирический герой книги — патриот, труженик, созидатель. Его жизненное кредо сформулировано в программном стихотворении «**Моё мнение**»: «Я о жизни вот какого мнения: / Чтобы в ногу с ней всегда шагать, — / Мало только личного горения, / Надо и другого зажигать. // Надо — чтоб душа рвалась к полёту. / Робость — прочь, как сорная трава. / Ну-ка, подавай сюда работу, / Засучу по локоть рукава». Стремление быть полезным людям — тема стихотворений «**Туча**» и «**Спичка**». Своими друзьями лирический герой с гордостью называет «безусого школьника», стремящегося к знаниям, «девушку с теодолитом», рабочего — «седого мужчину в спецовке серой» («**Мои друзья**»). Им, настоящим труженикам и творцам, посвящены стихотворения «**Баллада о садовом**», «**Скульптор**», «**Шахтёр**», «**Шофёр**», «**Маляр**».

Обратив внимание на подражательный характер отдель-

ных стихотворений, на языковые и стилистич. погрешности, на несовершенство формы – ритмические сбои, неточную рифму, А.В. Лосев подчёркивал, что стихи Ц. отличаются «свежестью и непосредственностью поэтического восприятия» и «поэтической смелостью»: «Д. Цирулик стремится найти свой взгляд на жизнь, свои особые приёмы поэтического выражения мысли. Его с полным правом можно отнести к разряду “ищущих”».

Уже в 1961 стало очевидно, что «поиски» Ц. увенчались успехом. Его второй сборник, «Начало биографии», получил высокую оценку собратьев по перу. И. Ерёмин писал, что новая книга Ц. – это творчество зрелого автора, у которого «выработался свой самостоятельный поэтический почерк». Теперь поэт отталкивается не от «лит. образов», а от самой жизни. «Простые по форме» стихи Ц. отличаются «значительностью содержания» и «композиционной законченностью».

Иной, более спокойной, сдержанной, стала интонационная палитра сборника: на смену гражданскому пафосу пришли неспешные раздумья о жизни. Изменился и тематич. диапазон. Наряду со стихотворениями о родине, о природе и о любви в «Начало биографии» вошли стихи о суровом Севере («Товарищ Север», «Отпуск геолога», «Песня эвенка») и о приветливом Юге («Верблюд», «Песня Абая», «Ахмет играет на трубе»), появившиеся в результате командировок Ц. в эти края. Лучшим произведением сборника Ерёмин назвал поэму «Начало биографии»: «В скупых строчках, немногословных, но выразительных картинах автор сумел показать духовный мир своего современника, сосредоточив внимание на главных событиях его биографии...».

Сборник «Начало биографии» вышел за год до безвременной кончины Ц. Его не стало на 38-м году жизни. Из-за тяжёлой и продолжительной болезни, которая приковала поэта к постели, он был вынужден уйти из газеты, но до последнего дня писал стихи. Уже после смерти Ц. вышел сборник «Стихи» (1966). К сожалению, отыскать его не удаётся, но известно, что в книгу, за искл. неск. новых стихотворений, вошли ранее публиковавшиеся и поэма «Начало биографии».

Сохранился богатый архив Ц. Некоторые стихи были опубликованы в периодич. печати. В рукописи осталось много незавершённых стихотворений, поэма, пьеса в стихах.

За недолгие годы творчества Ц. пробовал свои силы в разных жанрах – писал рассказы, юморески, басни. В историю амурской литературы он вошёл как талантливый поэт. Именно его одним из своих учителей в литературе считал И. Ерёмин.

Соч.: Люди колхоза: Стихи // Приамурье: Лит.-худож. и общ.-полит. альманах. №1. Благовещенск: Амурское кн. изд-во, 1951. С. 76–77; Моё мнение: Стихи и басни. Благовещенск: Амурское кн. изд-во, 1954. 52 с.; Романтика // Приамурье: Лит.-худож. и общ.-полит. альманах. №5. Благовещенск: Амурское кн. изд-во, 1956. С. 5–6; Амурский вальс // Амурский комсомолец. 1956. №121. 7 окт. С. 4; Циолковский // Амурская правда. 1960. №225. 20 сент. С. 3; Амурской родной // Амурская правда. 1958. №230. 28 сент. С. 3; Туша: Юмореска // Амурский колхозник. 1960. №78. 2 июля. С. 4; Письма: Рассказ // Амурский колхозник. 1960. №102. 27 авг. С. 3–4; Строки памяти: Поэма // Амурский комсомолец. 1960. №131. 30 окт. С. 4; Начало биографии: Стихи и поэма. Благовещенск: Амурское кн. изд-во, 1961. 64 с.; Баллада о дружбе // Знамя Октября. 1962. №6. 13 янв. С. 3; Ветер. Июльский день. Хлеб. Сердце. Сажист: Неопубликованные стихи // Амурская правда. 1964. №163. 11 июля. С. 4; Родному городу. Звёзды. Мы – разведчики. Стихи об уходящем дне. Сколько зим снеговых... // Амурская правда. 1964. №220. 15 сент. С. 4; На птичьём дворе. Индок: Басни. Устами младенца. Согласно этикету: Ультракороткие рассказы // Путь Октября. 1965. №115. 28 сент. С. 4; Стихи. Хабаровск: Хабаровское кн. изд-во, 1966. 72 с.; Утро. Друзья мои. В полёте. Моё мнение. Море тёплого света... Будет так от века и до века... // Амурский комсомолец. 1966. №84. 13 июня. С. 2–3; Мы – разведчики. Об уходящем дне. Ах, милые мамы... Сердце, словно большая птица... Стоят, как девочки-подростки... О годах // Амурская правда. 1974. №217. 15 сент. С. 3; Я видел Ленина // Амурская правда. 1980. №100. 27 апр. С. 4; В пути. О мастерстве. Наши дети узнают по книжкам... // Амурский комсомолец. 1980. №54. 4 мая. С. 3; Город мой. Дождь. Дорожная // Мой город: Стихи и песни. К 140-летию г. Благовещенска. Благовещенск: РИО ЗАО «Амурская правда», 1998. С. 19–21.

Лит.: Тоичкин В. Подвиг свершения // Амурский комсомолец. 1960. №110. 11 сент. С. 3; Аношкин М. Жизнь, бьющая ключом: О стихах Дмитрия Цирулика // Амурская правда. 1962. №122. 25 мая. С. 4; Ерёмин И. «Я о жизни вот какого мнения...» // Амурский комсомолец. 1974. №40. 3 апр. С. 4; №41. 5 апр. С. 3; №42. 7 апр. С. 3; Потапова С. Поэзия мужества // Амурская правда. 1974. №217. 15 сент. С. 3; Ерёмин И. От спички загорается костёр // Амурская правда. 1980. №186. 13 авг. С. 4; Ворожцов М. Слово о Дмитрии Цирулике // Амурская правда. 1984. №220. 23 сент. С. 4; Лосев А.В. «Моё мнение» (Сборник стихов Д. Цирулика) // Лосев А.В. Избранные труды по литературному краеведению Приамурья / Сост., ред., вст. ст., примеч. А.В. Урманова. Благовещенск: Изд-во БГПУ, 2011. С. 297–305.

И.С. Назарова